

Уважаемая редакция! Мой отец Федор Иванович Панферов — известный советский писатель, автор романа «Бруски». Осенью 1981 года ему исполнилось бы 85 лет. У меня хранится переписка с ним, о которой и хочу рассказать.

НАЙТИ СЕБЯ

Сколько я себя помню, с самых малых лет, всегда рядом — отец. Он был для меня примером, образцом, таким человеком, каким я хотела быть сама, — мудрым, справедливым, добрым, отзывчивым и в то же время строгим, требовательным.

Отец всегда говорил со мной всерьез, всегда как с равною себе, а не как с малым ребенком. Я это очень точно чувствовала, и это вызывало во мне гордость и особенную любовь — любовь-преклонение.

Со мной отец всегда говорил очень искренне, предельно правдиво. Ни разу он не сказал мне, что это, мол, не твоё дело, что надо подрасти... Всегда на любой мой вопрос отвечал подробно, правдиво, а если затруднялся с ответом — не стыдился в этом признаться, не скрывал этого. Находил книги, которые лучше него могли ответить на мой вопрос, и не забывал положить эти книги на мой стол, и не забывал потом, несмотря на всю свою занятость (а отец редко бывал дома), спросить о моем впечатлении о прочитанном, находил время проверить, поняла ли я то, о чем прочитала. Часто отец не спешил с ответом, чтобы я сама нашла его, старался развить мое мышление, сообразительность.

Об отношении отца ко мне хорошо говорят его письма, написанные в разное время. Вроде бы они все об одном и том же — в каждом отец неустанно твердил, что надо найти себя, но говорил он об этом каждый раз по-разному, учитывая мой возраст.

Весной 1933 года, когда мне было одиннадцать, отец писал из Воронежа, где он в то время работал над третьей книгой «Брусков»:

«Ты не обижайся на меня, а пойми — мне стало очень тяжело, тоскливо, когда я узнал, что ты плохо учишься. Ведь ты хорошо знаешь, что я живу ради тебя, ради вас и не хочу, чтобы ты походила на ту самую барыньку, которая умеет брэнчать на рояле-пианине, плясать, песенки петь, кокетничать и ни черта не смыслив в науке. Барынька, кукла, чучело набитое. Я хочу, чтобы ты была самостоя-

тельным человеком, умным человеком, гордым человеком, а для этого надо учиться и в первую очередь хорошо писать, хорошо читать, хорошо знать математику, историю, естествознание, физику... Пойми, Века, в твои годы только и закладываются знания, пропустишь эти годы, там не наверстаешь, будешь ходить шишигой в хорошеньком платье, мазать губы краской и мечтать о военном. Пойми, ты уже взрослая. В твои годы я таскал мазут, зарабатывая себе на хлеб, и уже думал о том, как устроить свою жизнь. Я уже понимал, что человек силен, когда у него сильна голова. Мне в мои детские годы не на кого было надеяться, надо было рассчитывать только на свои силы. Мне никто не помогал. А у тебя есть все — есть хлеб, обувь, есть одежда, есть ласка матери и отца (а у меня этого совсем не было), так тебе только и учиться, а ты... на второй год собираешься остаться... Правое же, я сегодня всю ночь не спал... и сейчас готов расплакаться. Ты понимаешь, как мне тяжело? Из меня слезы палкой не вышибешь, а вот пишу тебе письмо, а из глаз слезы катятся. Пойми, ежели ты останешься на второй год, ты изломаешь себя: ты не будешь учиться, ибо останешься от своих подруг, скучно тебе будет проходить «зады» и пропадешь.

Не сердись на меня, не обижайся, а хорошенько вдумайся, и ты поймешь мою тревогу».

В тот год я много болела, очень ослабела, отстала от своего класса, надо было догонять, а сил, казалось, не было — тогда ведь экзамены сдавали каждый год, испытания, как их тогда называли. Разве после такого письма можно было остаться на второй год? Конечно, я сдала экзамены и перешла в следующий класс.

В конце 1935 года из Пущей Водицы, под Киевом, где отец писал четвертую книгу своего романа «Бруски», он поздравлял меня с днем рождения:

«Вот тебе и стукнуло четырнадцать лет. Ты уже не ребенок, ты становишься взрослым человеком, человеком, который вступает в жизнь по-настоящему, у которого беспечные годы детства остаются позади. Впереди, девочка, жизнь, суровая, тяжелая и красочная. Впрочем, красочная и красивая она может быть только тогда, когда сам человек умеет брать от нее красочное и красивое. Иначе она, жизнь, повернется к нему скверной стороной, отвратительной стороной, той, которой живут обыватели, мещане и прихлебатели всех мастей.

Я тебя, девочка, очень люблю. Я так же крепко люблю и Кимку, но Кимка мужчина, а ты женщина.

У Кимки жизненный путь расчищен веками, твой же путь — путь женщины — веками затирался, веками посыпали шипами. Твой путь трудный, девочка. И вот если ты поймешь теперь же, что тебе будет очень трудно жить, если ты не встанешь на самостоятельные ноги, то есть просто выйдешь замуж, народишь детей и окончательно попадешь под власть мужа. Надо быть самостоятельной. А для этого надо прекрасно учиться и теперь же подумать над тем, кем ты будешь в дальнейшем. Если ты хочешь быть инженером — положи все силы на то, чтобы быть первейшим инженером, гениальным инженером, творцом-инженером. Если ты хочешь быть агрономом — стремись быть самым лучшим агрономом в мире... То есть надо быть творцом. Тогда все двери жизни откроются перед тобой, тогда ты будешь владыкой умов, самостоятельным человеком. А об этом надо подумать теперь же. В твои годы закладывается человек. Пропустишь эти годы, там все пропадет...»

Позднее, весной 1938 года, отец писал мне из Куйбышева. Тогда там собирались строить электростанцию на Волге, и отца, истинного волжанина, не могло это не заинтересовать.

«В конце концов дело не в «отлично»: мало ли в былые времена было «пятерош-

ков», но впоследствии весьма тугих людей. Если я советую тебе получить «отлично», то только потому, чтобы у тебя не пропало лето. Получишь «отлично», не надо будет готовиться и беспокоиться. Суть не в этом, Века. Суть в другом — надо найти себя, определить, кем будешь, и тут пробудить в себе все свои творческие силы, тут выработать в себе такую работоспособность, которая ломает буквально все. В этом суть.

Я понимаю твою «хандру». Это не «хандра» кисейной барышни, мечтающей о кавалере со шпорами. Да это у тебя и «хандрой»-то назвать нельзя. Это еще неосознанные поиски самой себя. Ты человек умный, настойчивый, тебе нужна какая-то большая жизненная деятельность, и ты еще не нашла точки — отсюда и все твои волнения, недовольства... это даже хорошо. Хотя и у тебя должна быть мечта о человеке — не просто кавалере. Это тоже весьма нормально...

Что тебе надо? Возьми себя в руки так, чтобы сама закричала. Входи в себя радость, поверь в то, что ты умная, хорошая, славная девушка...»

Тогда мне было шестнадцать — трудный переходный период, который у меня проходил тяжело. Наваливалась тоска, ничего не хотелось делать, все казалось отвратительным, мрачным. И я изливала отцу, а в ответ получила такое вот письмо, которое действовало лучше любого лекарства.

Отец бывал и суровым. Он писал мне в одном из писем:

«Любовь к своему детищу может испортить его. Я тебя люблю, но я обязан (обязан, обязан и еще раз обязан) временами критически смотреть на тебя, чтобы не походить на крыловскую обезьяну. Помнишь крыловскую обезьяну? И я так и смотрю на тебя. Да, ты умница... но у тебя... есть один недостаток — ты не думаешь о том, что ты уже взрослый человек и что тебе пора жить самостоятельно, то есть не играть в жизнь, а тво-

рить ее... Двадцать лет — это половина жизни. Значит, надо сказать себе — я вступаю в борьбу».

В начале 1941 года я сделала шаг, который, я знала, не одобрит отец, — я ушла из медицинского института и написала об этом отцу в Краснодар. Ждала я ответа с вполне понятным трепетом и страхом. И вот 28 февраля пришло письмо от него. Письмо было необычным — суховатое, сдержанное, даже суровое.

«Века! — писал отец. — Письмо твое получил. Через несколько лет я тебе его покажу, и тогда ты увидишь, кто прав, кто виноват. Но не вини тогда меня.

Конечно, я должен был бы тебя силой заставить не делать то, что сделала ты. Дело даже не в том, что ты покинула медицину. Что ж, раз у тебя нет к этому призвания, иди на другое. Но ведь надо учиться, а не барствовать. Учиться, а не трепаться...»

Есть такая поговорка, сладкое легко не дается. Жизнь это и мед, и сухарь. Чтобы перегрызть сухарь, надо быть очень сильным, весьма вооруженным. Вооружаться вам дано в эти годы, и только в эти годы. Пойми это. А вооружаться надо крепко, не поверхностно».

Конечно, я пошла учиться и окончила потом исторический факультет МГУ.

Отец много писал мне во время войны, не уставая призывать меня «стать фанатиком своего дела — ни часа, ни минуты не отдавать пустякам, если эти пустяки мешают большому, своему...»

«...Ведь жизнь это не вечеринка с фантиками, а борьба. Тебя в жизни встретят не только добрые, хорошие люди, но и люди злые, завистливые, или, проще, — пакостные, чопорные «дурные всеняйки». И с ними придется бороться. К этому надо подготовиться. Надо быть готовым к большой борьбе...»

Он не устал писать мне:

«И еще, что надо воспитать в себе... Это ревизию внутрен-

него своего богатства. Ревизию каждодневную, ежегодную. Это не значит копаться в собственных переживаниях... Нет. Это ревизия, что сделано мной за сегодня, за неделю, за год. Подняло ли меня на новую ступень сделанное мною. Не отстал ли я «от века». Видишь ли, я немало знал, наблюдал таких людей, в молодости это были очень интересные люди, работоспособные, энергичные, брали на себя десятки нагрузок, вызывали даже к себе хорошую зависть. Хотели быть и литераторами, и врачами, и философами... а потом я встречался с ними лет через пятнадцать — это были душевные пропойцы. В чем дело? А дело в том, что успехи первых лет вскружили головы сим господам, и они решили покорить мир на «шермака», т. е. на дармовщину, то есть без труда, не работали, не развивались и застыли... То, что казалось милым, хорошим, даже завидным в молодости, оно осталось, но оно теперь отталкивало: нельзя в сорок лет прыгать на одной ножке, хотя это очень мило делают дети».

Письма эти и в то время, когда я их получала, и позднее, когда я стала взрослой, сама стала матерью, были для меня образцом отношения к детям. Подражая отцу, я и отношения со своими детьми старалась строить так же. Старалась быть предельно правдивой с ними, честно отвечать на все их вопросы, быть им другом.

Письма отца играли большую роль для меня всегда, и сейчас я люблю их перечитывать — они мне дают большую встряску, заставляя работать, действовать, добиваться намеченного.

Таким для меня был мой отец Федор Иванович Панферов. Его нельзя, невозможно забыть. Прошло уже много лет, как его нет, а для меня он — есть. Мне порой кажется, будто и сейчас отец все еще беспокоится о моей судьбе.

В. ПАНФЕРОВА.

д. Тарбушево,
Озерский район,
Московская область.